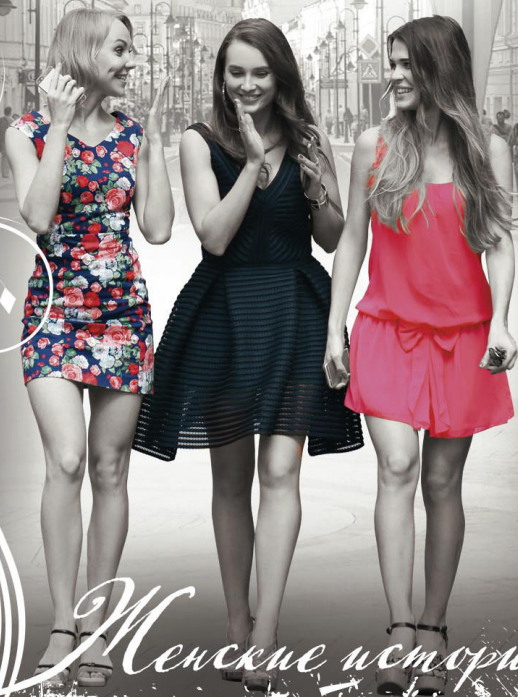

Элина
Наумова

СОСЕДИ ПО МОСКВЕ

Женские истории

Эллина Римовна Наумова

Соседи по Москве

Серия «Женские истории»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42090083
Соседи по Москве: Центрполиграф; Москва; 2019
ISBN 978-5-227-08529-0

Аннотация

Иван приехал в Москву из чисто практических соображений: обстоятельному и уравновешенному парню хотелось найти приличную работу с хорошей зарплатой. За шесть лет он считал, что понял природу этого города: столица выматывала так, что человек просто уставал притворяться и становился самим собой. Тут приходилось узнавать себя и честно выбирать дело по себе, и носить шрамы на душе. Поселившись в очередной съемной квартире в типовой московской многоэтажке, Иван оказался соседом трех молодых женщин: Оксаны, религиозной матери четверых детей, энергичной Валентины, приехавшей покорять столицу из Воронежа, и Леоны, сдержанной столичной жительницы, переехавшей на квартиру только потому, что в ее собственной шел ремонт...

Содержание

Оксана и Николай	6
1	6
2	14
Валентина и Андрей	21
1	21
2	30
Леона	41
1	41
2	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Эллина Наумова

Соседи по Москве

© Наумова Э.Р., 2019

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

* * *

Москва! Какой огромный Странноприимный дом!..

М. Цветаева

Человеку порой кажется, что он томится в узилище обстоятельств и ждет исполнения смертного приговора. Однако стоит чуть-чуть подумать, и любой согласится: в действительности нет ни стен, ни решеток, ни тюремщиков. Кругом простор – триста шестьдесят градусов пустоты и свободы. И удерживает мученика только инстинкт оставаться на знакомом проклятом месте, если неизвестно, каково будет в шаге от него. Вдруг еще гаже, еще страшнее? Хотя он клянется, что хуже, чем здесь и сейчас, просто быть не может.

Это история о людях, которые в своих мнимых застенках поняли, что ни в чем не вольны, но во всем свободны, подались искать лучшую долю. Предпочли не только клеймить

и высмеивать чужие глупости, но и свои делать. Словом, решились жить. Да, насчет глупостей... Они, как водится, не знали, что будут их совершать. Полагали, что каждый из них самый умный. Но закон им отчего-то не писан... Как настоящему дураку.

Оксана и Николай

1

Движущийся вагон раскачивается и постукивает колесами, потому что они с железной дорогой так устроены. Ничего личного по отношению к человеку, и это естественно. Так же естественно, что у человека все сплошь личное по отношению к колебаниям и звукам. Вообще-то дело в состоянии вестибулярного аппарата и организма в целом. Но люди упорно отделяют физиологию от сознания и напропалую поэтизируют свои ощущения. Иначе со скуки и тоски можно под этот самый поезд броситься. Вот и получается, что одним колеса что-то ласково стрекочут, а другим – навязчиво твердят о прежних грехах, кричат о грядущих бедах и вытрясают душу.

Оксана Скоробогатая могла похвастаться несокрушимым здоровьем, но молчала, чтоб не сглазили. Наоборот, на чужие жалобы – дескать, голова болит или бок ноет – отзывалась в том духе, что, уж как у нее недавно эти части тела прихватило, никому и в кошмаре не снилось. И «с дороги» она «неимоверно уставала» по той же причине. А на самом деле не замечала пути любой длительности в любом виде транспорта. Да и, когда на своих двоих шла с терпимой ношей

(килограммов десять при собственном весе пятьдесят), тоже не смертельно маялась.

Сейчас в вагоне украинского поезда ее занимало только одно: стырила знакомая плеер или нет. Якобы от растерянности и горя машинально оставила на память, но, по сути, ведь украла. История, конечно, ужасная: ее подруга повесилась, а когда девушку вынули из петли, оказалось, что в мертвые уши била и била музыка. Оксана сразу заподозрила: сняв наушники и вытянув из кармана джинсов самоубийцы плеер, знакомая опустила его в свой карман. Или в сумку. Очень уж напирала на душераздирающие песни о любви, которые слушала покойница, болтаясь на веревке. Словно танцевала. А надлежало говорить о грехе отчаяния, погубившем вечную душу. О помраченном разуме и заглохшем безусловном инстинкте самосохранения. Было горе, которое способно на творить такое в молодой образованной женщине? Не было. Никто из близких не погиб, даже не заболел, крыши над головой не лишилась. Вот и осталось ей только приплясывать после смерти, чтобы остальные правильные выводы делали. Ну и? Живая закатывает глаза и ревет в три ручья, бормоча: «Она давно умерла, а мелодия и ритм все еще пытаются вернуть ее к жизни». Тьфу, думать о таком противно. За бурными эмоциями всегда прячут нечистоту мыслей и рук, в этом Оксана была абсолютно уверена.

Вообще, ерундой бабы занимаются. Ей в детстве бабушка часто говорила: «Самоубийцы по доброй воле идут в ад».

Кто захочет такой участи? Бога люди забыли, поэтому и vessаются. И еще от безделья. Вон у Оксаны муж еще в молодости сменил конфессию. Да, такие христиане и в России есть. Везде есть, где народу совестно от того, что пожертвования тратят на роскошь убранства храмов. Что покорное и тупое исполнение обрядов заменяет большинству воцерковленных живое чувство к Господу. Какой прок от слова «любовь», если каждую минуту не доказывать ее делом через не могу, через не хочу? Ее Коля не пьет, не курит, пашет на стройке с утра до ночи, все в дом и в доме все своими руками. А ведь мужчина видный – рослый, крепкий, приятный на лицо. Лысеет, конечно, рано, но это беда всех светловолосых. Господь не дает грешить, хотя кто и чем только не соблазнял. Женщины давно бесстыдны. И мужчины не терпят, когда кто-то не закладывает с ними за воротник. Но он так последовательно всем отказывает, так толково это мотивирует, что начинают уважать. И уже не перестают никогда.

Ей было восемнадцать, только школу окончила. А Коле двадцать восемь, он в их городке в бригадирской должности коттеджи строил. Увидел, брови взметнул – так понравилась – и вдруг спросил: «Извиняюсь, вы как, девушка непорочная?» Она от изумления не обиделась, согласно кивнула. Тогда он стал за ней ухаживать. Об истинном Боге рассказывал. Увлёк своей верой. Поженились. Мама только обрадовалась – времена были непростые, никто не знал, что дальше будет. Ни противозачаточных пилюль, ни других средств, ни

абортов они не признают. Даже безопасные дни не рассчитывают. Четверых детей родили: старшему девять лет, потом девочки – шесть и три и младшему год. А с ними тосковать некогда. Иногда ей говорят, что в Москве в ее тридцать с небольшим и первого редко рожают, что молодость пропала. Она кротко отвечает: «Чтоб ваша так же пропала, счастливы были бы».

В кризис работы в Москве для Коли не стало, и они поехали на Украину к родственникам. Год там перекантовались. И вот возвращались. Детей оставили матери Оксаны. Потому что планы были серьезные: продать московскую двухкомнатную на юге, задействовать материнский капитал и выгрызть у государства дом в Бутово, там для многодетных строили. Квартиру ей завещала малознакомая тетка, то есть двоюродная бабушка. Приятная неожиданность, но ведь Бог знает, у кого в чем нужда. Оксана в нее и мужа, и детей прописала, так что они уже давненько были москвичами. Свою панельку сдавали дорого – всегда находились лохи, только что явившиеся из провинции и в ценах не разбиравшиеся. И Коля такой добрый, что к людям, что к зверю. Никто квартирантов с кошками-собаками не пускает. Он же говорит: «Десять тысяч сверху – и живите». А себе Скоробогатые за гораздо меньшие деньги снимали трехкомнатную в этом самом Бутово. Старший там в школу пошел. Опять же все дети наблюдались в тамошней поликлинике. Пора было оседать в столице крепко и удобно.

Перед тем как уехать к родне, они освободили арендованную трехкомнатную и задумались, куда девать нажитое. Через границу везти дорого, в свою нору тащить – можно жильцов потерять. С тех и так потребовали деньги вперед. Додумался, как всегда, Коля. Искал и, Господь вознаградил безгрешного, нашел однокомнатную вчетверо дешевле, чем сдавали свою двушку. Перевез туда детскую мебель, одежду, посуду. У многодетной семьи действительно вещей немного. Огляделся – места полно. Ну, и сдал ее тихой пришибленной разведенке. А сам, когда наезжал и платить, и плату собирать, и насчет работы узнавать, останавливался на день у разных приятелей. Вот что терпит ради Оксаны и деток.

Будет у них дом, Коля, наконец, купит собаку. Как ребенок малый их любит. Конечно, во двор, чтобы сторожила, трудилась на хозяев. Всякая тварь обязана зарабатывать себе пропитание. Он уже объявления смотрел, частные, не клубные – зачем переплачивать. Вся Москва как раз с ума сходила по лабрадорам. Коля нашел самого дешевого, позвонил. Просто, чтобы выяснить, можно ли еще цену снизить, мол, трое детей, четвертый на подходе, лишней копейки нет. Спокойно объяснил, что на цепь посадит. Заводчица, типичная шибко умная москвичка, разоралась: «Да вы в своем уме? Своего не продам, и другого не смейте губить! Вы бы хоть поинтересовались, что это за порода! Они же склонны к компромиссам, у них же интеллект. Они с детьми занимаются лучше всяких нянек. Э-эх, если бы все люди этих душевных,

умных собак держали, войн бы в мире не было!» И трубку швырнула. Вот такие истерички бывают. Какое ей дело, как собаку используют? Не даром же ее отдает. Коля, святой человек, ее даже не проклял. Только решил овчарку брать.

Ой, люди, людишки. Бедные – свиньи, а богатые еще хуже. Когда первую жилищу пустили, думали, горя знать не будут. Еще их вещи в квартире лежали, хотя сами уже в Бутово жили. Подремонтировал Коля там все, обустроил, забрал узлы. А потом вспомнил, что оставил икону Николая Угодника без оклада, старинную, всю в трещинках, наверное, дорогую. И велел жене, когда за деньгами поедет, ее забрать. Оксана квартплату взяла и свое попросила. А баба вдруг так ехидно говорит: «Когда ваш супруг приходил за скарбом, он старую балалайку и эту икону попросту закинул на антресоли, как равновеликие деревяшки. Вы же на доски не молитесь. А я православная, мне этот образ в утешение. Оставьте, пожалуйста, когда буду съезжать, с собой не заберу, клянусь». Оксану аж в жар бросило от таких упреков. Тоже нашлась богомолка, без своих образов на квартиру идет! Прав был Коля – ценная икона у тетки, раз она так распелась. «Нет, муж велел домой принести. Мы, конечно, немного иначе молимся, но это – память о бабушке». Вздохнула. Отдала. Попробовала бы не отдать! Коля разобрался бы.

Сама Оксана любила свой маленький городок под Киевом и век бы никуда из него не двинулась. Там мама с сестрой – родные души, а мама еще и замглавврача единственной боль-

ницы – уважаемый человек со связями. А какое место душистое, в любое время года аромат витает – то цветов, то разнотравья, то сена! Но Коля, настоящий глава верующей религиозной семьи, учил, что в России, в Москве у детей перспектив больше с образованием и работой. Это – потом, для начала же у многодетных семей льготы немалые. Вот и ехали за этими льготами и перспективами – чего для своих кровиночек не сделаешь! А так-то провалились она, эта чужая столица. Мама в юности наездилась туда за дефицитом – одеться, обуться в чешское и польское, люстру там немецкую выстоять... Однажды, году в семьдесят шестом, на Электрозаводской вечером случайно напала на китайские пуховые подушки и одеяла. И взяла. Ох, как им тогда весь городок завидовал!

Зато и оскорбить честных женщин наглые москали были не дураки. Ездили стаями, ходили по двое-трое, так безопаснее было деньги из бюстгальтеров и трусов вынимать. И вот как-то идут мама с подружкой – взмыленные, сумки «назад-наперед». И видят на другой стороне улицы двух женщин, с которыми прибыли и разошлись – у всех свои маршруты были. Те – с полупустыми авоськами, а эти под завязку отоварились. А уж скоро в обратный путь. Бедняги простосердечно закричали: «Гана, Галя, вы откуда?» А эти так же во всю глотку отвечают: «С «Праги» мы!» В смысле из магазина. Конечно, у всех своеобразное украинское «хгэ». И две профурсетки, налегке проходившие мимо, прыснули

безо всякого стеснения. А потом все столкнулись возле лотка с лимонами-апельсинами. При езде жим-то сколько дадут в руки, столько они и утащат, а эти купили себе по одному апельсинчику, гадины. И, отходя, тихонько, но все же слышно припомнили: «С Праги мы». И давай опять ржать.

А вот мама, когда рассказывала про это маленькой Оксане, плакала. Смеяться над чьим-то национальным выговором – значит всей нации в лицо плевать. За что? За язык предков? Это – какими же суками надо быть. Тут уж Оксана в кротости не упражнялась, называла безбожниц любыми словами. Им все равно в аду гореть, а она в молитве будет прощение у Господа испрашивать, есть шанс спастись. Молодая женщина прикрыла глаза и беззвучно заговорила с Христом. Обвинившая душу горечь расслабила холодные мерзкие щупальца и стала уплывать прочь.

Сдержанно бубня, люди гуськом выбирались из тесных длиннот поезда. На шумном перроне многие озирались со смесью растерянности и любопытства – куда теперь? Скоро-богатые всегда помнили, что им надо. Поэтому везде знали, в каком направлении двинуться. А в Москве с ее возможностями тем более. Даже впервые явившись сюда, мельком на указатель глянули и твердо пошли. С тех пор ни разу не плутали, чутье вело к цели – не к улице, дому, строению, офису, а тому, что там можно было взять по божескому и людскому закону. На самом деле и карты изучали, и дорогу спрашивали, но не запоминали таких мелочей. Жили с ощущением, что «всего сами добились» Божьей милостью.

Николай двигался быстро, с одним-то чемоданом на колесиках грех было тормозить. Оксана привычно уловила ритм – два ее шага на один его – и не отставала. Но душа явно не поспевала за деловитым мужем. Бог был с ней, Коля был с ней, но женщине мучительно не хватало влажных, дрожащих от радости пальчиков старших детей в обеих ладонях. Ребятишки с удовольствием возвращались в Москву, особенно школьник. Теперь пустые руки раздражали. И лишь в подземке, где она в отличие от вокзала бывала без малышей, стало легче.

Опытные Скоробогатые приехали в воскресенье, чтобы не

слишком давиться в метро. Вроде в Москве каждый сам по себе и за себя, а тоже принадлежит к какому-нибудь стаду. Большинство в пятницу куролесит в барах и кафе, в субботу мирно пьет по друзьям и родственникам, а в воскресенье тихонечко страдает дома, готовясь к будням. Бутылка пива – единственное утешение слабых духом. Остальные держатся на рассоле, чае, лимонаде, уличном воздухе да семейных перебранках. Узнай столица, что о ней думают иногородние наследники панельных квартиренок, обиделась бы. Но куда ей, она до вопросов не снизойдет, а они умные – часов не разбазаривают, пашут, в Интернете не торчат, мыслями не делятся. Зато все примечают. После отдыха по схеме: в понедельник чиновник вял, во вторник – зол, а в среду и четверг – ничего, трудится, иногда рьяно. И если кому-то что-то надо в присутственных местах, вставать в очередь имеет смысл только в эти дни. Уж Оксана-то всего наоформлялась: завещанная квартира, гражданство, прописка, материнский капитал, льготы, пособия. И теперь Коля оторвал ее от детей не ради собственного удовольствия. Он будет работать с утра до ночи, а все многочасовые стояния в учреждениях, все лютые тетеньки в кабинетах – на ней.

Вспомнив о деле, Оксана приободрилась. Мысль о разлуке с детьми откатилась от какого-то препятствия в черепе странным эхом: «Женщину, не щадившую себя в родах, называли матерью-героиней». Она не успела даже сообразить, все ли разобрала и с чего бы ей о подвигах думать, потому

что Николай остановился. Им предстояло двигаться в разные стороны. Он собирался показаться начальству. Можно было бы позвонить, дескать, я тут и завтра в семь утра начну творить из разномастного сброда, который вы наняли, бригаду. Но основательный и насквозь положительный строитель не хотел упустить шанс взглянуть в руководящие лица честными, трезвыми глазами. Так оно вернее, чем по телефону. А потом надо было увидаться с агентом, знакомым дальнего родственника, который не слишком вдохновенно продавал их двухкомнатную. Где результат? Да за счастье отвалить миллионы и въехать в такую квартиру люди биться должны. Есть на свете забавные типы – орут, что продали дешево, купили дорого, и при этом мнят себя умными. Николай Skorobogatый обо всем имел представление и всему знал цену. И представление, и цена складывались из двух убеждений: «мне детей кормить надо» и «у меня есть совесть». Когда его называли жадным, он мысленно укреплялся добавлением: «а у вас ее нет». И не уступал ни копейки. В общем, настало время объяснить горе-помощнику, что напрасно он твердит, будто цена на квартиру завышена. В Москве на любую дрянь за любые деньги не один желающий найдется. Просто кто-то ищет, землю роет, а кому-то вознаграждение платить не за что.

– Ну, Оксана, – сказал Николай, передавая жене ручку чемодана, – вещи дома оставь, не разбирай и сразу звони жильцу. Пусть сегодня же расплачивается. Когда за деньгами по-

едешь, осторожней в метро, чтоб не вытащили. И в магазине не расходишься, а то купишь лишних продуктов. Что в поезде не доели, сразу в холодильник убери. Ладно, с Богом.

Оксана не сердилась на него за инструктаж, подслушав который взрослый человек мог решить, будто она ненормальная, если не понимает таких простых вещей. Сама часто твердила нечто подобное детям. И если замечала нетерпение на их тугих смешливых физиономиях, объясняла: «Я переживаю за вас, потому что люблю. И учу хорошему. А тем, кто ненавидит, кто хочет вам зла, все равно. Еще и на плохое подбьют. Чем вы хуже, тем им лучше». Коля тоже переживал за нее, любил и учил. Благодарить его надо было, а не дуться.

Она помахала рукой в его широкую спину и начала выполнять указания. Причем творчески. Договорилась встретиться с жильцом в метро на своей станции. Точнее, жалобно ноя, отбивала каждую пядь, уводившую ее на другую ветку. В итоге арендатор согласился в вечерний час пик ехать хоть к черту на кулички, лишь бы прекратить разговор. И взимание арендной платы через решетку, чтобы ему не выходить, а ей не входить, заняло у Оксаны каких-нибудь двадцать минут. Освободившееся время хозяйка потратила на изучение окрестностей. И обнаружила вблизи дома два подходящих супермаркета из тех, в которых цены не задирают. Люди сплетничают, что там продают некачественные отечественные продукты. Можно подумать, импортные дорогие лучше. В них же одна химия – так Коля говорит, а он все зна-

ет. В одной торговой точке мука и подсолнечное масло были дешевле, в другой – сахарный песок и геркулес. Как всякое обретшее выбор существо, Оксана едва не захлебнулась чувством полноценности. И в отличном настроении проигнорировала лифт. Неспешно поднялась по лестнице на четвертый этаж, вставила ключ в замок и услышала за спиной недовольный женский голос:

– Вы кто?

Оксана повела лопатками, будто нарисовала ими два симметричных вопросительных знака. Обернулась и увидела типичную злобно-любопытную старую горожанку. Вздохнула:

– А вы?

В Москве ей сразу понравилась традиция здороваться в подъезде и лифте даже с незнакомыми. Мальчики от шестнадцати до двадцати этим просто очаровывали. Она воображала, как через несколько лет ее сын с улыбкой кого-нибудь поприветствует. Но Коля не разрешил. Люди не те, что раньше, полно маньяков, извращенцев, грабителей. Не надо ребенку обращать на себя чужое внимание. С соседями пусть здоровается обязательно. А всех прочих да минует быстро, скромно опустив глаза и не вступая в разговоры. Он, как всегда, был мудр и прав. Но как приучить ребенка к вежливости, если старуха, некогда кладезь манер, забыв про «добрый вечер», не представившись, требует отчета о том, кто вы. Хорошо еще, что не «ты».

– У меня квартира под этой, – чуть тише заговорила жен-

щина. – Я имею право знать, кто обретаётся сверху. Залить можете, спалить. А сюда то мужчина какой-то ходил, то девушка, теперь вы. Что за безобразие! Вот Ира, хозяйка, сдала эту квартиру, ее право. Только почему не зайти ко мне, не сказать по-человечески: «Ольга Игоревна, так и так, придут временщики, будьте бдительны»? Почему?

Оксана с Колей тоже не предупреждали соседей о своих жильцах. С какой стати? Может, и этой рассказать, что у них здесь своя двухкомнатная? Вдруг маразматичка думает, будто только жители столицы умеют обращаться с газовой плитой и водопроводом? Тогда она сразу успокоится. Вид-то жуткий: один глаз, как ножик, снимает скальп, другой, как буравчик, готовится произвести трепанацию черепа, чтобы точно выяснить, есть в мыслях арендаторши потоп-пожар или нет. В общем, незнакомую Иру Оксана понимала и ответила сухо:

– Вы караулили меня у глазка и поднялись за мной, чтобы спросить, почему она молчала? Я не знаю. Все?

– Все, – проворчала Ольга Игоревна и начала спускаться по лестнице, удрученно бормоча: – Все. Какое там все. Докапитализдились, целиком площадку сдали, разбегаются, как тараканы. Раньше по шесть человек в квартире жили и почему-то деваться из нее было некуда. А теперь вдруг пол-Москвы освободилось, в аренду сдают. Всякое я повидала, но чтобы площадка стояла пустая...

– Погодите, вы намекаете, что тут ни один из четверых

хозяев не живет?

– Я не намекаю, а утверждаю. Но это уже ваши проблемы, разбирайтесь сами. Главное, аккуратнее с водой и газом.

– Да не волнуйтесь так, – задумчиво бросила Оксана.

Она не могла уразуметь, почему новость о целом бесхозном этаже ее встревожила. Скорее бы пришел Коля и объяснил.

Валентина и Андрей

1

Профурсетки, гадины и суки, которых больше двух десятилетий недобро вспоминала униженная смехом над чистосердечным «с Праги мы» родительница Оксаны, не были москвичками. Девчонки сами приехали за шмотками из Воронежа, где ни Бог, ни дьявол не разберет людей по национальности. Богу все равно, главное, «чтобы человек был хороший». Дьяволу же и этого не надо.

Одна из мерзавок в отрочестве смотрела чешский фильм, в котором тощенькая восточная европейка увидела, как ее парень любезничает с другой. И подумала: «Она же кривоногая и страшненькая. Ой, а может, у нее душа красивая». Сейчас этот фактор в расчет не принимается и дьяволу, должно быть, полегче морочить человечество. Но и этот фокусник, лелея абсолютную гордыню, остережется утверждать, что индивидуум по фамилии, скажем, Прийменко из Воронежской области не русский. И не сможет объяснить, почему какому-нибудь Иванову оттуда же легче изъясняться по-украински. Черт хромой, потому что все время ломает ноги о родословные и смешение языков в пограничных областях. В общем, девчонки, хоть и выросли в русских семьях, над

привычным с младенчества хгэканьем не то что ржать – хихикнуть не додумались бы. Хохотали о своем, о девичьем. А по одному цитрусовому купили, потому что денег уже не было. Мотались по городу с последним рублем на двоих – коротали несколько часов до отъезда.

У одной в Москве родилась мама. Потом влюбилась в провинциала и убежала с ним из дома. Но остались родственники, одноклассники. Поэтому в выходные родители на своей двадцать первой «Волге» катили за продуктами. Еще и по гостям ходили, еще и обижали людей тем, что не заглянули. И мама оправдывалась: «Извини, сама знаешь, что у нас в магазинах пусто, а на рынках цены зверские. Настоялись в толпах, не успели». На самом деле в очередях никто не давился. Просто не хотелось лишний раз эксплуатировать свой «блат в торговле». Расскажешь про троюродную сестру – директора продуктового магазина, и знакомые с живой не слезут. Не умрут, в Москве можно и так выстоять что угодно, если повезет. Не то что в провинции.

Пару раз, когда машина была не на ходу, дочке разрешили отовариться. Она со своей неизменной спутницей, лучшей подругой, бросив вещи у родного дяди, отправлялась в один из неприглядных, почему-то всегда овощных магазинчиков на окраине. Там проходила в директорский кабинет, говорила, что она то от тети Светы, то от дяди Вити, брала из приготовленной картонной тары мясо, колбасу, конфеты и еще много чего, не свойственного зеленой лавке. Тут подружка

была кстати: аккуратноенько укладывали все в две сумки. Вид получался вполне цивилизный – у каждой скромной девочки по мешочку обычной набитости. Отдавала деньги, сложенные мамой в конверт, благодарила. Выходить с заднего хода по какой-то причине было нельзя. И толстая продавщица выводила их через зал, торопя и прикрывая собой.

Из подруги оптимизм от зависти не испарялся. Таскала чужие сумки и улыбалась. Еще и сочувствовала бедняжке – столько хлопот и унижений ради жратвы. Ее папа заведовал автобазой, отправлял грузовики в Москву. И шоферня возвращалась из престижных рейсов со всем, что начальнику было нужно. У этой девушки мама в столице не родилась, но училась. И поддерживала связи с сокурсницами. Так что проблем с ночлегом тоже не было. Причем мама наказывала предложить денег. А ее сердобольные подруги гордо отвечали: «Передай своей мамочке, когда я к ней в Воронеж нагрят, она может взять с меня за постой, а я здесь не возьму». Дома дочь повторяла маме эти слова, и та отворачивалась, пряча слезы, которые льются на встречах выпускников. Но и в следующий раз велела деньги предлагать. Очередная сокурсница гневалась. Отвергала плату. И снова увлажнялись мамины глаза. Девушке это казалось ненормальными играми стареющих женщин. Как бы то ни было, крыша над головой давала возможность обоим юным подружкам добывать импортные тряпки без особых забот. За час-два до закрытия магазинов их выкладывали для москвичей. Считалось, что

коренные трудятся и имеют законное право отовариться дефицитом уютным поздним вечером. Потом торгаши обнаглели: начали растаскивать «заначку», не доставшуюся приезжим, по своим. Труженикам не оставляли уже ничего. И те ответили дружным внедрением в километровые дневные очереди. Конечно, в рабочее время.

Но тогда дни у девочек были еще свободны. И они едва не поссорились навек. Зашли к двоюродному брату дочки москвички. Парень был, мягко говоря, нетрезв. И стал читать «воронежкам или воронежанкам, кто вы, юницы» чьи-то запрещенные стихи:

...Венец творенья шарит по помойкам,
Вдруг там душа в куске заплесневелом,
В обносках драных – тряпках с чьей-то койки,
Штанах, что не сроднились с чьим-то телом?..

– Представляете, человек писал картинку с натуры, – тонко улыбался провинциалкам москвич. – Он сам видел, как ободранный гражданин на рассвете копался в мусорном баке. А эти сволочи идеологи шипят: в социалистическом обществе никто по помойкам не шарит! Клевета на лучший в мире строй! И на тряпках советские люди не спят! Пусть укажет, что описывает ужасы гнивающего капитализма! И даже тогда, почему безработный и бездомный рабочий ищет душу? Он пропитания ищет!

– Кошмар, – завелась дочка начальника автобазы. –

Неужели нельзя объяснить этим тупицам, что стихи – о смысле нашей жизни? Что помойка – не конкретный мусорный бак, не сто баков, а еда вообще, одежда вообще? «Заплесневелый» же и «обноски» нужны автору, чтобы все несознательные люди сами себе стали противны. Мы губим себя вещизмом. Подумаешь, «венец», «душа». Это же поэзия, в ней можно так обозначать высокое человеческое предназначение. Главное, что мы не соответствуем званию... Ну, пусть это звание венца творенья.

– Или звание строителя коммунизма? – прищурился хозяин.

Спорщица восприняла это состояние его век как приглашение к долгому интересному разговору, а то и к любви. Сестра – как признак запредельного опьянения кузена. Она грубо выволокла подругу на улицу и долго внушала ей, что дурацкие стихи лучше забыть. Какое там! Ценительница поэзии собиралась читать их всем и каждому, нести в массы и растолковывать великий смысл. Пришлось требовать с нее клятву – ни звука об этой антисоветчине она не скажет, чтобы не посадили ни сестру, ни брата. Последовало бурное: «За прекрасное и настоящее не сажают!» В ответ угрожающее: «А ты имеешь представление, что у автора в стихотворении впереди или дальше? Еще не хватало нам в Воронеже прослыть диссидентками и вылететь из института. Словом, мы с тобой здесь не были. Никто ничего не читал и не слушал. Я буду на этом настаивать, брат тоже, поверь. Чьи стихи?

Твои?» Присваивать себе чужие гениальные строки подружка наотрез отказалась. Они шли по заснеженной улице молча и злились друг на друга, как никогда раньше. Вдруг две толстые молодые бабы, в бесформенных пальто и шالях, плотно увешанные тюками, заявили, что они «с Праги». Подружки разом вообразили, как эти теткы являются из столицы Чехословакии, и прыснули. Обе понимали, что смех уничтожает размолвку, и от этого веселились безудержно. Вскоре они уехали и никогда не вспоминали ни про пьяного молодого человека с его четверостишьем, ни про измученных баб.

Вернее, не говорили о них. Но девушка, в которой был загублен порыв сеятельницы разумного, доброго, вечного, в свой срок заявила дочурке Валюше, что реализоваться порядочный, умный человек может везде, но в Москве это делать интереснее. О том, что такому выводу способствовал выпивающий средь бела дня красивый знаток антисоветских стихов, который то ли диссертацию писал, то ли дважды в неделю таскал по Подмоскovie группы выходного дня, она, разумеется, не сказала. И правильно сделала. На дворе уже бодро топтался и выбирал, куда шагнуть, двадцать первый век. Честолюбивая Валентина стала дипломированным менеджером и сама рвалась в столицу. Разумеется, мать не стала ее отговаривать.

Однако, несмотря на свои столичные завихи, она костями бы легла, чтобы не отпустить Валентину из дома, если бы узнала, что та собралась в Москву с выпивающим средь бе-

ла дня красивым знатоком поэзии Серебряного века. Парень то ли диссертацию писал, то ли дважды в неделю показывал Воронеж и окрестности всем желающим. Но дочь умолчала о знакомстве с этим типом. И тоже правильно сделала.

Валентина и Андрей были похожи не чертами лиц, но обликом: рыжеволосые от природы, худющие, высокие, в тертых джинсах и объемных кроссовках. И еще какие-то встрепанные, будто только что проснулись и еще не соображают, где и зачем. Это обоих сильно молодило. Слишком сильно. Назначенный день отъезда приближался, и они занимались главным делом – стояли в магазине электроники в Воронеже, разглядывая ноутбуки. Целый год вдвоем копили на не самый дешевый, но и не очень дорогой. И вот день настал – хватало. Ехать в Москву без своего компа ребята считали идиотизмом. Им предстояло незаметно внести приобретение в комнату Андрея, подключиться к Интернету и заняться поисками жилья в другом городе. Родители их не поняли бы – отдавали каждому последние невеликие деньги в уверенности, что чадо снимет комнату и благоразумно положит остатки в сбербанк на экстренный случай. Разве перед такими важными мероприятиями игрушки покупают? Знай отец Андрея, что сын намылился в столицу с подружкой, не дал бы ни копейки. Исход ясен – за неделю все промотают и вернуться, как побитые собачонки.

Вместо того чтобы внять родительским советам, Валентина и Андрей решили снять двухкомнатную квартиру. Рас-

суждали, как им представлялось, здраво. Только этот вариант мог стимулировать их на всяческие подвиги ради человеческого, а не тараканьего житья в коммуналке или унылой однушке, которую хозяин сдает на лето, пока сам бомжует. Укрывшись у Андрея, они сначала целовались, потом чаевничали, затем, договорившись в такой ответственный день даже не лечь рядом – некогда, приступили к поискам. Первый же звонок в агентство обогатил их поверхностными, но шокирующими знаниями про комиссию, залог, аванс, оплату за полгода вперед и стоимость аренды в центре. Быстренько снизили запросы и переключились на спальные районы ближе к конечным станциям метро. Но и там получалось, что сразу надо было заплатить тройную цену. Опять поцеловались немного. Стойко застегнули то, что будто само и нарочно расстегивалось в одежде. Съели по бутерброду. И продолжили.

Умные люди долго ничего стоящего подобрать не могут, хотя имеют возможность смотреть квартиры на месте. А дуракам опять повезло. Безотказно работает правило. За полчаса Валентина и Андрей выслушали три насмешливых отказа. Дескать, вы, молодые люди, в разуме? Сначала доберитесь, Воронеж не Владивосток, а потом уж разговаривать будем. Арендодатели желают видеть и допрашивать тех, кому, может статься, вверят недвижимость. Зато в четвертый раз авантюристы нарвались на семнадцатилетнего «частного маклера» – друга сына хозяйки квартиры. Тот поспорил

на бутылку пива, что сдаст «зависшую», уже проклинаемую агентством частную собственность за пять дней. Сдал Валентине и Андрею по телефону за день. Благородно, без комиссии, только с залогом. «Будет договор?» – пискнула девушка. «Само собой, распечатан из Инета, как у всех», – ответил уникум и велел завтра приезжать с вещами и деньгами. «Только послезавтра», – сказал Андрей. «Не позже, а то уплывет», – постановил обалдуй уже вполне риэлтерским тоном. На том и распрощались до скорой встречи. Влюбленные на радостях доскакались по комнате до того, что еле успели выключить и засунуть под диван счастливый ноутбук – отец Андрея открывал дверь своим ключом.

Ребята заранее договорились с приятелем о том, что в Москву их отвезут его дедушка с бабушкой. Старики торговали там, на юго-западе, овощами, фруктами, ягодами, зеленью – всем, что удавалось вырастить в своем громадном огороде да еще арендованном под картошку участке. Был конец мая. Они могли накормить столичный люд только парниковыми огурчиками и клубникой. В цену входили, конечно, поборы участкового мента («То есть, извиняюсь, полиция», – ехидно цедил дедок) и оккупировавших юг города восточных людей. Поэтому выходило не намного дешевле, чем в магазине. Но густой естественный загар, натруженные руки и бойко произнесенное «только что с грядки» и «зачем в Воронежской области на нашей-то почве удобрения» действовало на московских хозяек безотказно.

Валентине и Андрею надо было добраться на автобусе до большого пригородного села и ждать на остановке. Денег с земляков и друзей внука люди решили не брать, пусть молодежь треплется и не дает старику уснуть за рулем. Но в последний миг сдались и окупили «бензин в один конец». Узрев ржавые зеленые «жигули» на обочине, молодые путешественники сказали друг другу, что зря так настаивали. А уж когда заглянули внутрь, хихикающим шепотом посоветовались, не требовать ли оплату за согласие ехать. Багаж-

ник машинки наполняли огурцы, а на сиденье громоздились ящики с клубникой. Поэтому сумкам надлежало лечь под ноги, а пассажирам вдвоем забиться в угол, где и одному было тесно. Сначала они изловчились, как могли, и Валентина устроилась на коленях Андрея. Казалось, пространствовать так ночь – мечта влюбленных. Но через несколько километров парень смущенно забормотал, что больше не выдержит. Девушка кивнула и попыталась провалиться в щель между сначала возбужденным, а теперь уже закаменевшим под ее тяжестью любовником и деревянной тарой. Тогда ей показалось, что она до смерти не забудет ощущений от этого акробатического этюда: джинсы целостности не теряли, а плоть явно сдиралась с бедра до кости.

Как ни странно, помимо этого им запомнилась только одна мука. Трудно было сидеть, притиснувшись к одуряюще ароматным ягодам, коситься на их алые рельефные бока и не жрать, засовывая в рот обеими руками и постанывая от наслаждения. Никакой эротики, им просто по-детски хотелось спелой клубники. Но хозяевам в головы не приходило угостить молодняк. Или они считали, что таким большим детям не надо объяснять разницу между клубникой с якобы неудобренных плантаций и с заветных грядок для родни. Огурцов Валентине и Андрею тоже хотелось, но меньше. Старики держались. И только после полуночи, когда голодный Андрей, самовольно объявив ужин, извлек из сумки колбасу и хлеб, бабка наклонилась, чем-то пошуршала и

распрямилась с четырьмя огурчиками в руках. Они действительно были мельче и уступали в яркости собратьям из багажника.

Валентина принялась готовить бутерброды. Но на ходу перочинным ножом можно было только разваливать колбасу и хлеб на толстые ломти. Андрей устроил пантомиму «в рот не влезет». Девушка сама это понимала. Мысленно кляла родителей за совет взять в дорогу не нарезки, а палку и буханку, себя за сговорчивость, но более тонкими куски не выходили. На деда, который пытался есть необъятное чудовище, вцепившись в него левой рукой и держа руль правой, смотреть было жутко. Но привыкшие к неудобствам селяне откусывали и жевали с достоинством. Разве что чавкали оба. Однако это был не самый мерзкий звук, который мог сопровождать измельчение предложенной им еды.

Останавливались на предмет «мальчики направо, девочки налево» редко. Пассажиры были благодарны: замирать в нечеловеческих позах казалось легче, чем выбираться из машины, расправляться, а потом опять скрючиваться. «Ну и зубы у пенсов, ну и мочевые пузыри», – восхитился Андрей. «Да, в Штатах лет до трехсот проскрипели бы», – согласилась Валентина. Зато болтали потенциальные долгожители не умолкая, особенно первые часа три.

– Ушли хорошие времена, сейчас в Москве много не зарабатываешь, – предупреждал дед.

– Да мы не столько зарабатывать, сколько интересно ра-

ботать едем, – наперебой объясняли влюбленные. – Дороже всего стоит перспектива.

– Ой, деточки, аренда сожрет все, – жалостливо вступала бабка. – Вот если жить дома, в Воронеже, на столичную зарплату, тогда – благодать.

И далее в том же духе. Но ребята слушали вполуха – утомились. В отличие от стариков не догадались выспаться днем перед ночной поездкой. Под утро они ухитрились задремать даже при невыносимой боли в затекших суставах и мышцах. А когда Валентина открыла глаза, в них хлынула сияющая белизна приближающегося города. Рассвет смягчал ее розовыми бликами. Чистый, голубой небосвод над ней казался простым и строгим. Москва! Единственной частью тела, сохранившим хоть какую-то подвижность, была коленка. Ею девушка и попыталась разбудить Андрея. У того действовали только веки и губы. С минуту скукоженный парень любовался видом и довольно глупо улыбался.

– Почему все такое? – хрипло спросила Валентина. – Приближаешься, дома серые, а издали – белоснежное сверкание.

– Это у них облицовка из маленьких блестящих квадратов, – отозвался дед. – Скоро приедем.

И рассмеялся в предвкушении заслуженного сна. Громко похрапывающая жена начнет торговать, а он отдохнет в своем верном усталом драндулете.

Через полчаса машина остановилась возле метро.

– Пять тридцать, езжайте себе наудачу, всего три станции

отсюда в сторону центра, Господь с вами, – напутствовал дед.

– Да не забываете, что у вас дом есть, родители. Если совсем плохо будет, мы часто здесь во дворах стоим, идите к нам, отвезем на родину, – широко зевая, сказала проснувшаяся бабка.

Ребята поблагодарили, с невероятным трудом вылезли из машины, но идти не могли еще минут десять. Постояли, покурили. Валентина тихонько скулила – злые мурашки бегали по рукам и ногам и одержимо кусались.

Ровно в шесть они добрались до нужного дома и уперлись в металлическую преграду с кодовым замком. Из нее сразу вышла какая-то девушка – вся в себе – и, похоже, не заметив ребят, рванула к припаркованным машинам. Валентина поймала норовящую захлопнуться дверь на ее медленном излете и затянула Андрея в подъезд.

– Надо сначала позвонить хозяйке, – напомнил он.

– Звони. Но интересно же, как тут.

– Валюш, что интересного в панельном доме?

– Как что? Это же будет наш дом.

– Звони сама.

Они поднялись на четвертый этаж, остановились возле квартиры, и Валентина вызвала забитый в телефон номер. Гудков через десять раздраженный женский голос спросил, что ей нужно, а, выслушав ответ, сообщил, что раньше девяти им никак не увидеться.

– Так вы находитесь не в этой квартире? Ладно, подождем,

ознакомимся с ландшафтом, – беспечно сказала приезжая, которой уже чудилось, будто она здесь родилась, выросла и так далее вплоть до сегодняшнего утра. Она хотела пересказать короткий разговор нахохлившемуся при обещании ждать и гулять Андрею, но тут чинно отворилась соседская дверь. На площадку вышел крупный лысоватый мужик – образец солидной серости. В проеме маячила хрупкая симпатичная бабенка и долбила его жиреющий загривок обожающими взглядами. Валентина, которая не знала, какие могут быть проблемы, если вокруг люди живут, не раздумывая сказала:

– Здравствуйте. Мы из Воронежа, сняли эту квартиру, но приехали слишком рано. У нас три часа до встречи с хозяйкой, мы с удовольствием оглядимся. Нельзя ли бросить у вас вещи? С ними по улицам таскаться влом.

Николай Скоробогатый торопился на работу. Он только согласно кивнул, причем Оксане, и шагнул к лестнице.

– Ставьте, – озвучила кивок та, указав на тертый линолеум прихожей возле двери. – Только в полдесятого я уйду из дома. И еще, заберите все ценное от греха...

– Не беспокойтесь, ровно в девять придем, – уверила Валентина. – Ноутбук, документы и деньги возьмем с собой, они у нас в отдельном пакете. Никаких ценностей нет. Вот... – Она рванула молнию и продемонстрировала нутро сумки – какие-то цветные хлопковые тряпочки на дне и ненадежные босоножки. Оксана попятилась от нежиз-

данности. А порывистая девица частила дальше: – Спасибо большое. Хорошие вы люди, нормально будем сосуществовать.

Андрей, не привыкший к таким стремительным контактам, застыл молча. Возлюбленная содрала с него рюкзак, небрежно кинула пожитки в отведенное им место, еще раз поблагодарила. И утащила спутника во двор. А там расхохоталась:

– Слушай, мы помятые, неумытые, бледные, осунувшиеся! Ни дать ни взять парочка алкашей или наркош. Ладно, идем куда глаза глядят.

Они мотались по округе все расширяющимися кругами.

– Ого, библиотека... Та-ак, а это поликлиника... Аптека... Супермаркет... «Перекресток»... – радовалась Валентина, будто сталкивалась с друзьями.

Андрей же мрачнел и наконец не выдержал:

– Я не понимаю твоей эйфории. Обычный спальный район. Те же дома, то же старье с болонками и дворняжками во дворах. Везде битое стекло. Они что тут, маньяки? Если, выпив пиво, не разобьют об асфальт бутылку, им жизни нет? И дворники еще спят. А наши в это время уже метут. И эта унылая рыжая глина кругом! Представляешь, каково здесь после дождя? Весной, когда снег тает? Ни одного угла не срежешь, увязнешь.

В детстве Валентина любила надувать шарики. Хотелось, чтобы каждый стал очень большим. И страшно было полу-

читать по губам, если лопнет. Девочка часто щупала прозрачные бока яркого красавца, стараясь уловить момент опасного напряжения. Тогда нужно было гасить азарт и завязывать нитку. Андрей вдруг представился ей таким шаром – еще один выдох, и он разлетится в клочья. Пора было останавливаться.

– Ну, что ты разворчался? Не только воронежские окраины похожи на московские, но и лондонские, и нью-йоркские, и берлинские. Города познаются по центру...

– А центр здесь обшарпанный, грязный, несуразный и сплошь заставленный машинами. У нас, кстати, пресловутая историческая часть лучше сохранилась. Она такая же, только на пару этажей ниже. И улицы гораздо уже.

– Хорошо, пусть дело только в масштабе, Андрюша. Но ты ведь зачем-то сюда рвался. Вспомни зачем. Тебя просто вымотала дорога. Скоро отдохнешь.

– Скоро? – воскликнул бедный парень, долбанул циферблат своих часов ногтем и обреченно махнул рукой.

– Андрюш, посмотри, какая церковка во-он там, через дорогу слева. Явно памятник архитектуры, а не новодел. До нее минут двадцать. Идем, если открыто, свечи поставим. И вернемся как раз к девяти.

– Свечи? Какие? Зачем? – Кажется, он перестал соображать, что она говорит. – Я никуда больше не пойду, Валюша, извини.

– Ладно, оставим церковь до лучших времен.

Они вернулись к подъезду. Не слишком выносливый мужчина опустился на скамейку, латанную разномастными кусками древних полированных шкафов. Двужильная Валентина сгоняла за пожитками. Она была из тех, кто бежит и за себя, и за сошедшего с дистанции не потому, что ей легко, а потому, что надо.

– Уже нагулялись? Как вам здесь? – спросила Оксана без любопытства, из вежливости.

– Замечательно! Посидим на воздухе, может, хозяйка раньше доберется.

– Дай Бог и ей, и вам.

«Добрая баба», – подумала Валентина. И присоединилась к хмурому другу.

А минуты капали, будто пыточная вода на темя, сводя с ума. Одна, две, три... Пятнадцать... Двадцать... Уже опохмелились под живучими американскими кленами местные пьяницы и болтали затвердевшими ненадолго голосами. Пробежала по делам Оксана, сочувственно улыбнувшись. «Не наврала, что уйдет», – отметила Валентина. Дети лениво прошествовали в школу – острых скул и черных глаз было так много, что даже Андрей восторженно и разделит изумление со своей девушкой. Они, конечно, слышали по телевизору о «национальных районах», но увиденное воочию заделало много грубее и чувствительнее. Дворники-азиаты вылезли из нор, спокойно оглядели фронт работ. И надолго дезертировали с него. В десять утра к ребятам неспешно при-

близилась толстая женщина лет сорока с небрежно заколотыми волосами, в короткой узкой юбке и длинной широкой футболке.

– Надо думать, вы меня ждете, молодые люди? Арендаторы из Воронежа?

Если бы у Андрея были силы, задушил бы ее. А Валентина ничего, еще шутила:

– Нам тут за четыре часа предложили снять несколько разных квартир, но мы остались верны вашей.

– Привыкайте, в Москве все всегда всюду опаздывают, – улыбнулась необязательная владелица. Судя по домашним шлепанцам на ногах и отсутствию сумки, лично она застряла с какой-нибудь подругой в ближайшем дворе и чесала языком. Чего только не сделаешь для поддержания имиджа настоящей москвички. – Ну, поднимаемся.

В сносной двушке Андрей сразу опустился в кресло, вытянул длинные тощие ноги и бездумно уставился в потолок. Дедок надоумил его осмотреть каждый миллиметр пространства, испытать сантехнику и, если что-то не так, ткнуть хозяйку носом. Пусть или чинит, или цену сбавляет. Но парень впал в непреодолимую апатию. Снимать квартиру пришлось девушке.

– Как быть с регистрацией? – спросила она. – Что делать надо?

– В принципе достаточно позвонить по одному из сотни номеров – они в Интернете, в метро, везде. И купить бумаж-

ку.

– На этот адрес? – озадачилась Валентина.

– Да. Какой назовете, тот и нарисуют.

– Мне бы хотелось по-настоящему. Боязно как-то.

– Господи, ну и словечко, «боязно», – раздражилась хозяйка. – Хотите мотаться по конторам и часами стоять в очередях – пожалуйста. Я вас зарегистрирую как дальних родственников. То есть мы. По идее, чтобы дать согласие, мне придется явиться с взрослым сыном и мужем. Но учтите, через полгода все надо начинать сначала.

Законопослушная провинциалка горестно всплеснула руками, но с честного пути не свернула. Остальные формальности уладили быстро. Подписывая филькину грамоту договора и беря того же качества расписку об оплате залога и житья за месяц вперед, начинающая съемщица мысленно хохотала. К чему взрослым людям детские игры? В них обмениваются такими же «документами». Но когда сжала в похолодевшей ладони два комплекта ключей и выпроводила хозяйку, все оказалось настоящим. Она издала торжествующий вопль:

– Андрюша! Мы здесь, мы одни! Давай проверим, мягкая ли кровать!

Он уже стоял рядом и добежал до крохотной спальни быстрее возлюбленной. Оба плюхнулись на спину, блаженно вытянулись во весь рост... И уже через минуту крепко-крепко спали.

Леона

1

Леона стояла у входной двери в небольшом холле, откуда насквозь просматривались обе комнаты родной двушки на Ленинградке. Ей хотелось голосить от отчаяния и восторженно кричать. Невозможность издать эти звуки одновременно и была причиной ее молчания, которое длилось уже с четверть часа. Не получалось и сделать шаг вперед или убежать – ноги дрожали. Из кухни осторожно выглянула мама. У нее был такой вид, будто она ненароком сотворила из хаоса вселенную, разошлась и хотела продолжить, но силы кончились. И осталось только моргать припухшими красными веками. Дочь восприняла подсказку и тоже заплакала, будто ей было четыре годика, а не в шесть раз больше. Сквозь слезы удалось пробулькать:

– Какая у нас, оказывается, громадная квартира.

– Сорок три квадратных метра. Или сорок семь? Точно не знаю. Я ставлю чайник, приходи, – отозвалась мать и как-то бесплотно скрылась с глаз.

Новорожденную Леону привезли в этот дом. И сколько она себя помнила, свободное место в нем ограничивалось узкими проходами между добротнo-широкими древними шка-

фами. И еще было по пустому квадрату метр на метр возле жестких пружинных еще диванов в обеих комнатах. В сущности, здесь жила бумага – книги, толстые литературные журналы, тонны машинописных листов, нотные тетради, рисунки и акварели в папках. С ними соседствовали виниловые пластинки и кассеты с музыкой и фильмами – с годами они были погребены под залежами дисков. Все это распирало шкафы, высилось на них до потолка, теснилось на стеллажах. Только семиметровую кухню миновала общая участь – там ели, принимали гостей, выпивали, закусывали, общались.

Если юной трусихе из Воронежа не хотелось из-за четверостишья какого-то москвича, очернителя социализма, прослыть диссиденткой, то бабушка Леоны таковой была и гордилась этим. Она собственноручно переводила на русский и перепечатывала запрещенную литературу. Таскала копии в неказистой хозяйственной сумке по Москве и передавала единомышленникам. Предоставляла ночлег людям, имен которых не называла дочерям, – станет гэбуха допрашивать, пусть ответить будет нечего. Она не служила конкретному вольнодумцу. Кумиру. А может, и служила, но не знала, кому именно. Конспирация. У тех, известных, все было по-настоящему – явки, пароли. Эзопов язык. Аресты. Высылка из страны и лишение гражданства. Речистые симпатичные дяди с Лубянки, которые упрашивали не губить молодость и не ломать жизнь близким. Слежка и паранойя. Зна-

ние, что несгибаемость и отказ от компромиссов – симптом шизофрении. И его одного достаточно, чтобы упечь в советскую психушку хоть академика. Герои и предатели. Некоторые «рабочие лошадки» обижались, если им не доверяли тайн. А эта – замотанная разведенная москвичка, кандидат исторических наук – никогда. Ход истории поворачивают случайности с именами, а обеспечивают безымянные закономерности. Она не стеснялась быть закономерностью.

– И что же это за случайности с именами? – вскидывался, например, писатель, который держал-держал в столе антисоветский рассказ и однажды, крепко вмазав, обнародовал идею своего заветного произведения. В народе, вернее, в ярчайших его представителях – собутыльниках, как водится, был стукач. Он излагал услышанное кураторам, обеспечивавшим госбезопасность. Затем автору вдруг отказывали в публикации невинного отчета о творческой командировке на БАМ. И вот уже он, гонимый, слышавший о подвалах Лубянки, не рисковал ночевать дома. Тогда друзья «организовывали надежную квартиру» на пару дней. Потом еще одну. И еще. Преступного же рассказа никто не читал и читать не собирался. Технически это часто становилось невозможно: борец жег рукопись, едва замечал косой взгляд уборщицы в редакции журнала, где хотел печататься, а бывало, и утром после попойки, вспомнив, что натрепал лишнего.

– В каждом из нас притаился бес собственной исключительности, – живо отвечала бабушка Леоны, моя тарелки пе-

ред тем, как втащить в кухню раскладушку для соратника. – Не в том смысле, что человек неповторим, а в том, что лучший, следовательно, имеет право, если не на все, то на большее. Но инстинкт выживания подсказывает, что надо быть как все. Тех, кто не желает справляться с бесами, общество изолирует в тюрьмы или могилы. Тем, кто неустанно старается усмирить внутри себя особо активных искусителей, по-такает в меру. Завидует им и презирует одновременно. И ревниво следит, чтобы не зарывались. А потом вдруг является какой-нибудь одержимый с претензиями на тотальное лидерство. Тотальное лидерство, подчеркиваю. Он готов вести к счастью народ, а то и человечество. Его бес настолько силен, что бесы остальных, почти захиревшие, рвут цепи и встают на дыбы. И дальше уже все – общими усилиями.

– По-вашему, милейшая хозяйка, и Христос одержим, – подавлял зевоту накормленный гость.

– Бог с вами, что вы такое говорите! У Христа было всего-то двенадцать учеников, и он зарабатывал на них и их семьи, проповедуя и исцеляя больных. По деревням, обходя стороной города. Вот император Константин и его массово рванувшиеся в христиане придворные – наш случай. Знаете, бес исключительности распоясывается, когда его носителя, самого-самого во всем, обижают или унижают. И принимается особо лютовать, если тому что-то угрожает.

– Позвольте, тогда возникновение на исторической сцене одержимых – тоже закономерность, – усмехался собеседник.

– Наверное. То, что я вам говорила, – лишь схема. Но мне с ней легче жить. Так жить. Минута за минутой, день за днем, год за годом.

Тут претендующий на ночлег мужик обычно запускал пятачок в шевелюру или тер лысину и быстро интересовался:

– В этом доме водка есть?

В каком доме тогда ее не было?

Старшая дочь, тетка Леоны, с раннего детства подслушивала такие разговоры и, окончив школу, тоже ночами была по клавишам пишущей машинки. Приходилось молотить, ломая ногти и сбивая подушечки, чтобы нижние копии пусть с трудом, но читались. Она застала уже конец эпохи. В девяностых подпольщицы ненадолго впали в эйфорию, утратили скромность и торжественно заявили младшей: «Мы не зря боролись за свободу. Будь ее достойна». Затем привезли с дачи оставленные себе самиздатовские экземпляры – в годы репрессий их хранили в подвале, в бочках, вместо огурцов и капусты. От голубоватых шершавых тонких листов еще долго тянуло духом солений. Не забыли в дачных тайниках и журналы с автографами – публикации тех, кого за углом судьбы ждала опала. Разложили все, как легло. В квартире стало уже не протиснуться.

Это было зловещее предзнаменование. Бумагой, оружием, которым воевали за свободу, завалили все проходы в единственном жилище. Но кто же мог думать, что бабушка останется с грошовой пенсией, теткино НИИ ликвидируют,

и инженеры еще долго не будут нужны. А способности к любому творчеству обернутся милостью, а не проклятьем, если Бог не забыл добавить человеку еще и способность впаривать их потребителю. Зато мама Леоны после напутствия двух участниц сопротивления приняла российский капитализм за чистую монету. Все шептались: «Нельзя торопиться, уходить из госсектора, Советы бессмертны, вот-вот такое начнется!» А она, лингвист, устроилась в совместное предприятие. Заочно получила второе высшее образование, нужное в бизнесе. И оказалась единственной кормилицей семьи.

Бабушка сетовала, мол, они, дети узников ГУЛАГа, наголовавшиеся в войну, – последние борцы за идею. А уже их дети не столько трудятся ради свободы, сколько треплются о ней. Страшно подумать, многим она нужна только для того, чтобы приникнуть к материальным благам, как в Европе и Америке. Тетка усмехалась и не возражала. Ее соратники – божественный люд, гений на гении, предпочитали ругать власть в кухнях. Зато как ругали! Высокохудожественно. Тогда дом и забили рисунками, нотными черновиками, переписанными лично авторами стихами. Руки часто были неверны от портвейна, но многие из тогдашних гостей стали знаменитыми. Время от времени тетка официально уходила замуж за одного из талантливых нищих. И неизбежно возвращалась, когда через год, когда через десять. После восемнадцати абортотрожат она не могла. А совместно нажитое с творцами не прихватывала из гордости.

Сбить с толку младшую старшей нетрудно: познакомила с двумя-тремя безудержными демиургами, и, пока одурманенная их мощной энергетикой идиотка опять начнет замечать нормальных мужчин, годы улетят. Так и случилось. Она вышла замуж за очередного гостя сестры и родила дочь – Леону Леонову. Едва повзрослев, девочка начала говорить, что назвать ее «в честь фамилии» было вопиющей безвкусицей. Мама с тетей обижались и сердились: «Когда-нибудь ты влюбишься в парня, вы поженитесь. Фамилию сменишь. Должно же что-то напоминать тебе об отце, о роде».

Култ ее отца был непререкаемым, но каким-то странным. О нем упоминали благоговейно и вполголоса. Он воплощал безбрежную скорбь, ибо был гениальным артистом и «погиб в авиакатастрофе на взлете к всемирной славе». Но почему-то в квартире не находилось ни одной его фотографии, афиши, театральной программки с именем, сколько Леоны ни рылась в бумажных залежах. Девочка легко определила слабое звено – тетка. Та скорее подыгрывала матери, чтя гения. Наверное, из чувства вины за то, что познакомила их. И после долгих расспросов старшая сестра не выдержала:

– Он забрал все, когда уходил к другой женщине. Никогда никому ничего не оставлял на память. Даже слово «память» ненавидел, говорил, от него разит мертвечиной. Тебе тогда еще года не было. Только умоляю, маме – ни звука. Она не лжет. Просто любит. Вычистила его светлый образ от реальных – запоев, измен, нищеты. И передает тебе суть.

Это Леона уже понимала. Девочки в семьях, где из поколения в поколение женщинам не везет с мужьями, рано умирают. Но она не в состоянии была придумать, как отцу удалось миновать не только ее жизнь, но и Интернет. В Сети не было ни единого намека на их Леонова.

– Умница моя, поверь, те, кто хоть раз видел, его не забыли. Но кому хочется даже намекать на резкого, саркастичного, трудного человека, который только и успел, что блестяще показаться во всех театрах? Везде ему прочили главные роли. Везде, я не преувеличиваю, он изумительно репетировал. И отовсюду уходил накануне премьер. Так выкладывался, что играть сами спектакли казалось невыносимой рутинной. А теперь представь, каково было остальным – режиссеру, актерам? – мученически шептала тетка. И снова умоляла: – Молчи. Пожалей мать. Она, кстати, ждет, когда в тебе дар проснется. Я устала ей говорить, что ты с детства та еще артистка. В школе так изображала всякие неожиданные колики, что педиатры с докторскими степенями рыдали от жалости. Но поставить диагноз не могли.

– Это не артистизм, – покраснев, буркнула Леона. Было досадно, что тетка ее раскусила. – Артистизм в том, как завершить приступ, чтобы не уложили на месяц в клинику. Это – не изображение симптомов, а то, какими глазами ты смотришь на доктора. Я ни разу не довела до госпитализации.

Они быстро и серьезно взглянули друг на друга и немед-

ленно подружились.

Несмотря на захламленность, в квартире было потрясающе чисто. Пока бабушка жила, вой пылесоса представлялся обитателям естественным звуковым фоном. Да и бумаги тогда еще ворошили. В девяностые постоянно являлись какие-то журналисты за «материалами», заполнялись белые пятна в истории страны – криво и косо, не полно, приблизительно, с ошибками. Аврал, что поделаешь. И еще заходили бабушкины приятельницы, всегда с только что изданными книгами. Теми, которые они стоически перепечатывали с авторских рукописей. Пожилые дамы сравнивали тексты и часто возмущались новой редакцией. Иногда сочиняли коллективное письмо творцу и вкладчину отправляли за границу. Ответов никогда не получали, но не слишком обижались. Тогда все кипело, все были исполнены надежд и веселы. Однажды бабушка вдруг задумчиво сказала: «Девочки, а ведь не только после Февральской, но и после Октябрьской революции голодные люди, бывшие подпольщики, тоже не могли надышаться свободой. И чувствовали, и вели себя точно так же, как мы». Старушки недовольно загомонили и чуть не линчевали хозяйку. Никаких параллелей «с теми» они не допускали.

Когда бабушка умерла, Леона с мамой старались не запускать дом. Убирали каждое воскресенье на износ. И обнаружили у себя аллергию на пыль. Стоило поднять ее и вдохнуть, как начинали слезиться глаза, текло из носа, а брон-

хи очищали себя мучительным кашлем. Выручили аптечные маски. Но, несмотря на героизм, квартира серела и все заметнее ветшала. Они делали косметический ремонт – наклеивали обои на видимые из-за книг участки стен, белили потолки. Лучше не становилось. Пару раз, избавившись от очередного мужа, возвращалась тетка. Эта бралась за окружающее пространство азартно – уверяла, что надо просто все рассортировать. И вскоре объявляла о поражении.

Но кошмаром кошмаров были одежда и обувь. Леона росла, мать делала карьеру – ее СП давно превратилось в отделение американской фирмы. Обоим нужны были тряпки. Кое-что висело на плечиках, крючки которых были заткнуты между томами Достоевского и Чехова. Коробки с туфлями и сапогами перемежались с книгами на английском и немецком. Смотрелось чудовищно, бабушка наверняка в гробу ворочалась. Она в толк не взяла бы, зачем женщинам столько платьев. Но большая часть вещей лежала в стопках, и их приходилось отпаривать и гладить, чтобы надеть. В гости заглядывали только самые близкие, новых людей в квартире не было целое десятилетие. Немыслимо было приглашать нормального человека в этот расхристанный архив.

Мать, не умолкавшая в офисе, была только рада домашнему покою. Леона с детства привыкла встречаться с друзьями в кафе. А вот тетка болезненно свихивалась от одиночества. Все близкие разъехались по миру. «Поговорить в Москве не с кем, – жаловалась она. – Выпить не за что». Как только

открыли границы, за кордон подались те, кто хорошо знал российскую историю: «Запрягать будем долго, потом быстро поедem, невесть куда. Вероятнее всего, кончится, как в песне: «А жене скажи, что в степи замерз». Нет, жизнь одна, надо прибиваться к цивилизации». Тетка же возилась с очередным пьющим неудачником. В возрасте, когда борода знакомится с сединой, а ребро с бесом, тот вдруг радикально протрезвел, крестился, женился на здоровой девахе из предместья и начал фермерствовать. После дефолта из страны уезжали даже оптимисты. Но и тогда тетка выхаживала какого-то не понятого академией наук ученого. А когда он бросил ее и ломанулся в Швецию, она наспех зализала раны и четко осознала – поздно. Это миллиардеры всегда и везде ко двору. А обычным людям и на Западе нужны гражданство, работа, профсоюз, страховка, пенсия... Она вернулась к сестре и племяннице с заклинанием: «Разрази меня гром, если я куда-нибудь отсюда двинусь». Ей было шестьдесят, матери – сорок девять, Леоне – двадцать три.

По мнению обитательниц жилища, в котором невозможно было жить, тетка совершила революцию и чудо. Нашла в Интернете каких-то молодых людей и отдала им все виниловые пластинки и большую часть кассет с фильмами. Спросила: «Ничего, что даром? Как-то неловко брать деньги за то, что мешает». Леона с матерью благодарно повисли у нее на шее. Остальное в несколько приемов вынесли в мусорные контейнеры. На освободившееся место были водружены пап-

ки с самиздатом. В маленькой комнате возник нормальный проход от двери к окну. Потом в доме заработал пылесос. Запахло пирожками с капустой. Тетка начала заговаривать о русском той-терьере, но потом вдруг сменила тему: «Мне не нравится роль бабушки. Я до самой смерти буду вести наше хозяйство? И только?» «Разговорчики не к добру», – определила младшая сестра. И точно, через несколько месяцев бунтарка объявила, что ее роман по электронной почте вступил в фазу контактов глаза в глаза и рука об руку. То есть сегодня вечером она уезжает в Исландию и выходит замуж за своего ровесника, тамошнего либерала. Учитывая ее годы, ничего, кроме уважения, это сообщение вызвать не могло. Но после проводов в аэропорту Леона спросила мать:

- В Исландии есть либералы?
- Во всех цивилизованных странах есть.
- Я пошутила, мам. Но почему Исландия?
- Думаю, это единственная страна, где водятся мужчины, не слишком пуганные еще московскими интеллектуалками и российскими проститутками, – задумчиво ответила та. – А либерала она нашла бы и на Северном полюсе. Не волнуйся, скоро прилетит назад.

Однако прошел год, но тетка домой не собиралась. Более того, неустанно внушала матери по скайпу, что пора обрести личную жизнь.

- Действуй, пока молода. Эх, где мои пятьдесят! А то, знаешь, как я намучилась в Москве? На улице приставала толь-

ко одичавшая ветошь из соседних домов. Ни в магазин, ни в сквер нельзя было беспрепятственно пойти. Обязательно увязывался какой-нибудь вдовец, пламенный брежневек или андроповец.

Каждый вечер Леона с матерью обсуждали, что делать с бумажными завалами. Дочь соблазняла ноутбуком, электронной книгой, флешкой и картой памяти. Наконец, в отпускную пору кое-как просмотрели все. Книг, с которыми немисливо было расстаться, самиздатовских бабушкиных переводов и журнальных номеров, подписанных авторами, набралось на один стеллаж, если во всю стену и от пола до потолка. На два десятка рисунков и нотных посвящений имело смысл заказывать багеты и рамы. Имена и фамилии, начертанные на прочих, уже ничего не говорили ни матери, ни тетке. Осталось придумать, куда девать...

– Макулатуру, – жестко определила Леона.

– Эта макулатура еще недавно была смыслом чьих-то жизней, – сказала мать и всхлипнула.

Но не отступила. Звонила людям, узнавала номера телефонов других людей, спрашивала в трубку:

– Вам нужен автограф вашего дедушки? В семьдесят девятом году... Да, понимаю... Извините... У меня есть интересные качественные снимки вашей бабушки, Ольги Сергеевны... Прабабушки? Хорошо, так как с ними... Алло, алло... Отключилась... Здравствуйте, это библиотека? Вам нужны книги в отличном состоянии... Ну, не надо хамить...

Неделю в дом приходили старики и старушки, и еще один юноша и одна девушка. Взяли несколько томиков, журналов и фотографий. За этот отпуск хозяйки так устали, что, казалось, на завершение безумства сил не хватит. Но вот Леона стояла у двери. И видела пустую квартиру. Исчезли не только завалы, но и мебель. В большой комнате громоздились штабеля того, чем предстояло наполнить стеллаж. А в маленькой на застеленном клеенкой полу распростерлась одежда. И все. Ни торшера. Ни стула. Ни постельных принадлежностей. Ни мало ли чего еще. Только идеально сохранившийся под шкафами паркет. Безобразные узкие тропы, протоптанные на нем. И разномастные куски обоев на стенах.

– Дочка, чай остынет! – позвала мама.

Леона наконец отлепилась от косяка и пошла в ванную, осторожно наступая на привычные истертые досочки, словно упругие кочки в топком болоте. Вымыла руки – два полотенца ликвидаторша милостиво оставила. Это ее слегка взбодрило. И напрасно – из кухни мебель тоже была убрана. Чашки и вазочки с медом и конфетами стояли на широком подоконнике. Под ним будто притаились два табурета. Холодильник, купленный пару лет назад, высился у стены, но и он почему-то казался жалким. Мама кивнула на вместительный дорожный баул в углу, к которому по-свойски притулился старинный латунный таз для варенья.

– Тут наш фамильный хрусталь, фарфор и серебро. Я не сошла с ума, не колотила посуду, не волнуйся.

«Цветочная ваза, четыре рюмки, пять фужеров, три салатника, ладья – хрусталь. Чайный сервиз со щербатой масленкой – фарфор. Шесть ложек – серебро, – подумала Леона. – Хорошо, что мало. Каждая вещь представляется необыкновенной и едва ли не уникальной. Поколениями собирали. А теперь мама легко купит это все на свою месячную зарплату. Как странно».

Они сели пить чай с эклерами из ближайшей кондитерской. Леона вчера принесла в ту, еще обычную, квартиру. Ожиреть не боялись. В семье каждая знала с детства: если обедала пирожным, то ужинать будешь только несладким кофе.

– Как тебе это удалось? – громко спросила ошарашенная дочь, кружа тонкими пальцами над блюдом и выбирая эклер – шоколадный или сливочный? – И почему меня не впрягла? Все же надо было в коробки сложить, в узлы, я не знаю...

Мать, не глядя, взяла пирожное, которое лежало ближе к ней, и тихо ответила:

– Сначала я мысленно попросила прощения у бабушки. Потом набрала в поисковике «вывоз рухляди». Три оператора на разных телефонах были не совсем вменяемы, то есть пытались диктовать мне условия. Четвертый же любезно и деловито согласился с моими. Приехали мужики, взяли деньги, сами рассортировали наш хлам и увезли. А завтра явятся другие мастеровые и начнется ремонт.

– Ого! Здорово! Мам, а где мы будем спать? То есть понятно, что на полу. Но ты в азарте избавления даже подушки и одеяла выбросила!

– Спать будем не здесь. Я – у подруги Кати. Она, как тебе известно, живет за городом, брезгует сдавать квартиру, но волнуется за нее. А ты... – Мама растерянно посмотрела на эклер, который держала в руке, и вернула его на краешек блюда. – А тебе я сняла трехкомнатную, что называется, в шаговой доступности от метро и твоего офиса. Заплатила вперед за три месяца: бригадир сказал, что раньше они с нашим кошмаром не справятся. Живи просторно, отдыхай...

Леона не верила своим ушам. Мама звонила по сотовому каждые десять минут, пока она добиралась с работы домой, и успокаивалась, только обняв в прихожей. Мама дружески сопровождала ей всюду, куда она шла одна. Мама не ложилась спать, если дочь задер живалась на вечеринке. Более того, ходила ее встречать не только к метро, но и к подъезду к такси. Стоило Леоне уехать с друзьями в Питер или в Европу, мама впадала в полуобморок. И оживала только при звуках приема эсэмэски или гудке скайпа... Эта ли мать сняла ей квартиру? Почему бы им не пожить там вдвоем? Но вслух почему-то задалась другие вопросы:

– Тетя все-таки допекла тебя с устройством личной жизни? Ты влюбилась? Хочешь, что называется, проверить чувства наедине с мужчиной и сообщить мне результат, только если они окажутся настоящими?

Мать невольно улыбнулась, но, словно застеснявшись, опять погрустнела.

– Сообщить тебе о мужчине было бы легче. Нет, дочка, меня пугает отсутствие такового у тебя. Мне вдруг пришло в голову, что я делала все для твоего одиночества. Пригласить сюда человека, который тебе дорог, было невозможно. Ему пришлось бы выслушать и осмыслить историю нашей семьи. И еще неизвестно, смог бы он понять нас или нет. Собственно, поэтому я и решилась... – Она безвольно махнула рукой, будто кто-то другой освободил помещение от всего. – Но не это главное. Ты не умеешь варить и жарить, стирать, гладить, убирать. Деньги для тебя – неиссякаемая абстракция на карточке. Ты живешь так же, как в пять, десять, пятнадцать лет. У тебя же выражение лица детское. Этим летом продавщица в магазине сказала: «В школу на выпускной платье берете?» Мы с тобой смеялись. А что хорошего? Половина мужчин считает тебя несовершеннолетней. Другая половина думает, что у такой красивой девушки наверняка есть тот, с кем опасно соперничать. В итоге никто не рвется с тобой знакомиться. А знакомые боятся связываться с «шибоко умной» москвичкой, которая училась не для того, чтобы стать домохозяйкой. Москвичка – это тоже диагноз с некоторых пор... Знаешь, сейчас провинциалкам легче. Их всеядность и кредо «любой ценой» оправданы необходимостью платить огромные деньги за аренду жилья.

– Ну да, прописка женихам от нас больше не нужна. А за-

ниматься хозяйством не способна ни одна из моих подруг. Время такое. Опять же столичный ритм. Или работаешь на износ в офисе и платишь домработнице, или являешься домработницей. Так что я – современное правило, не исключение. Но как, по-твоему, мое отселение изменит ситуацию? – недоуменно приподняла брови Леона.

– Сильно изменит! – воскликнула мама. Было похоже, что лед, которым она обросла в незнаваемой квартире, растаял. И природный темперамент вот-вот загейзерит. – Мимика твоего лица станет иной от забот. От того, что ты в кои-то веки предоставлена самой себе. На нем появится выражение неприкаянности, на которое так чутко реагируют все мужчины.

– А сейчас какое выражение?

– «У меня все замечательно. Я образованная, гордая, домашняя. С низким интеллектом и тощим кошельком приближаться ко мне бесполезно. С высоким и толстым без любви тоже». Словом, выбора из десятка поклонников нет и быть не может, шансов на личную жизнь – ноль. Как-то неловко торопить тебя в твои лучезарные двадцать четыре. Но это – лучшее женское время. С годами не наверстаешь того, чего не доберешь сейчас. Уже после тридцати все не то, а после тридцати пяти все не так. Улетучиваются безоглядность и доверчивость. В итоге удовольствие есть, радости нет. Я не знаю, как объяснить, дочка. Не удастся сконцентрироваться только на любимом, хоть плачь. И мужчине, чем

он старше, тем труднее дышать одной тобой. Нельзя только работать и дружить. Женщина должна успевать и много чего кроме. Если все женщины в этом доме несчастливы в любви, вероятно, надо менять дом.

Мама говорила, явно боясь остановиться. А Леона машинально уписывала эклеры. Наконец блюдо опустело. Минуту она потерянно глядела в него. Было неприятно узнавать в описанном синем чулке себя. Решила не обижаться: запоздалая лекция, но ведь прочитана с добрыми намерениями. Теплота в ее голосе была искренней.

– Не выдумывай мне несчастий, а? Лучше давай вдвоем проживем в чужой трехкомнатной. Вместе мучились, вместе и отдохнем.

В глазах мамы полыхнуло отчаяние, которое немедленно затушили слезы. Бессонными ночами она по слову, по предложению формулировала то, что теперь озвучивала, – для дочери это был не лучший, а единственный способ повзрослеть. Неужели не ясно? Нет, она спасет упрямую девчонку, причинив боль. Таковую, какую способен вызвать только материнский эгоизм. И бедная спасительница мужественно это зверское качество проявила.

– Дочка, я хочу побыть одна. Я хочу, ты редко слышишь от меня такое. Мне с детства не удавалось, а потребность была, есть и будет. Разумеется, я оставалась безо всех... Но по чьему-то расписанию. Твои бабушка и тетя, ты сама уходили и возвращались тогда, когда вам было надо. Меня изводили

эти клочки одиночества. Ладно, оставим прошлое. Мы с тобой постоянно вместе. Другие матери не в силах залучить ребенка домой, а я, грешница, – придумать, как выпроводить. Все равно настанет момент, когда тебе будет нужен только твой мужчина. Ты отстранишься, уйдешь, даже если мы будем жить вместе. А я не умею без тебя. Я паникую, стоит вообразить, что ты изменилась. Мне, мне нужно привыкать к тому, что ты годами будешь занята не мной. Я не хочу терзать тебя ревностью, лезть в твои дела. Давай лучше расстанемся на два-три месяца, чем начнем безобразно ссориться от неподготовленности к переменам. Мы будем созваниваться, проводить выходные вместе, если захочешь. И мы в любой момент вольны прервать этот эксперимент. Может, не ты ко мне согласишься, а я к тебе. Но попробуй самостоятельность на вкус, на ощупь. Вдруг понравится...

– Короче, ты от меня устала, тебе надоело меня обслуживать, – взорвалась Леона. – Давай я сама буду заваривать чай и бросать шмотки в стиральную машину! Говори, когда душа требует покоя, я уйду на час, два, три, четыре!

– Нет! – испуганно крикнула мама. – Я устала от себя! Думаешь, я перестану за тебя бояться? С глаз долой – из сердца вон? Никогда! Но у меня четкое постоянное ощущение, что ты маленькая. И я веду себя с тобой соответственно: бодрая, неунывающая, собранная, ответственная. Клянусь, это не притворство. Я права не имею быть другой с ребенком. А ребенку третий десяток. Я выживаю из ума. Когда тебя нет

рядом, бьюсь головой об стенку. Когда ты со мной, люто хочу побыть одна. Мне необходимо уединение. Я уже не сообщаю, кто я. Я представления не имею, сколько мне самой лет. Прости. Неужели мы, родные, любящие друг друга, не справимся с этим?

Леона тоже напрочь утратила способность думать и рассуждать. Аргументы мамы свистели мимо ушей, как нервный февральский ветер. Но обида заставляла хотя бы спрашивать:

– А как же бабушка? Она гнала вас с тетей из дома? Не уставала от вас, от меня? Ее любовь выражалась в хлопотах о дочках и внучке с утра до ночи. Она интересовалась нашими делами, нашей жизнью. Да, тетя сказала, что не желает занимать в семье бабушкино место. Ты, значит, тоже?

– Господи, да ты же ничегошеньки не понимаешь! У твоей бабушки с годами сформировался комплекс вины. Она разочаровалась в отечественной демократии. Говорила, что напрасно боролась, забросив дочерей. Что задолжала нам чистый, пахнущий свежей выпечкой безмятежный дом. А в детстве и отрочестве мы ее редко видели, жили, как сироты в проходном дворе. Но она нас любила, мы любили и любим ее. Я тоже все делаю из любви к тебе.

– И что будет после ремонта?

– Как что? Будем выбирать и покупать мебель, светильники, электроприборы... У нас теперь ничего нет. Ну, дочка, мы по натуре авантюристки. Давай попробуем выяснить, на

что способны. Знаешь, я выбросила даже старую одежду. И мою, и твою. Оставила ровно столько, сколько поместится в два больших чемодана. В смысле, два тебе, два мне. Пустые чемоданы в темной комнате. Тряпки на полу в спальне. Надо обсудить, что мы хотим от ремонтников. Собрать вещи. Заказать такси. Ну... И... Если ты категорически против, едем вместе к тебе.

Мама все-таки сдалась. Но Леона уже обиделась и разъежилась. «Не получилось у нее, – вихрилось в голове, – не стала она идеальной матерью, утомилась за двадцать с небольшим лет. Захотела любить на расстоянии, уйти из практики в теорию. Чем я ее обременяю? Чему мешаю? Почему нельзя разговаривать со мной, как со взрослой»? И почти с ненавистью идеальная, надо полагать, дочь сказала:

– Я не против того, чтобы разъехаться. Только поскорее.

Прежде чем швырнуть в чемодан первую футболку, она успела заметить на дне конверт с надписью: «Продолжай откладывать свою зарплату, доченька. Если этих денег не хватит, я добавлю». Леону потянуло достать мамины наличные и сурово заявить: «Обойдусь». Но сдержалась. «Пусть будут на всякий случай. А то еще не пустит назад», – мстительно подумала она и быстро закидала конверт платьями.

Леона принципиально забила сезонным тряпьем только один чемодан. Уж сиротствовать так сиротствовать. И не заметила, что складывать оставшиеся вещи в другой и размещать его в темной комнате придется гонительнице. Она собралась и выскочила из дома за пятнадцать минут, чтобы не успеть наговорить гадостей. Чмокнула маму в щеку – двадцатилетняя привычка так расставаться и встречаться, но холодно, будто кляня себя за несдержанность. Мама успела погладить ее по волосам и сказать:

– Я там в холодильник сложила продукты на несколько дней. Храни тебя Бог, доченька. Позвони, как доедешь.

– Да, займись, Боже, моей девочкой, а я умываю руки! – крикнула Леона.

Соленые капли жгли губы, и она вдруг как-то мельком, но четко поняла, откуда берется третий ручей при настоящем плаче. Из носа! Унизительнее этих слез и соплей ничего не было. Преданный на своем третьем десятке ребенок ждал вызванное такси на улице и яростно не давал себе задрать несчастную голову и увидеть маму, бьющуюся в оконное стекло, как глупое насекомое. Или взять дрожащими руками с асфальта чинарик, попросить у какого-нибудь мужика огоньку и закурить – пусть наблюдает за самостоятельной жизнью изгнанницы.

Усевшись в машину, она соединилась с плеером наушниками. Установила почти максимальную громкость. Бетховен встряхнул мозг за пять секунд, и вдруг наступила полнейшая тишина. В ней Леона равномерно гоняла по сознанию, как лошадей по арене, буквы неуклюжего вопроса: «Как мама смогла?» Когда они уставали, замедляли бег и путали места в трех словах, девушка щелкала хлыстом обиды. И снова резво мелькало в голове: «Как мама смогла?» Казалось, даже при мысленном произнесении глагол зловеще свистел первой буквой, этим знаком бесповоротности. Дескать, уже смогла, и ничего никогда никак не исправишь. Леона завраждовала бы с «мудрецом», рискнувшим сказать, мол, пооскорбляешься всласть и начнешь оправдывать маму банальным, но действенным: «Она желала мне добра». Это – крест любящих обидчика: им легче простить его, чем потерять. Это – естество себялюбцев: они горазды внушать себе, что доктор причинил боль, когда лечил, а не когда убивал их, ни в чем не повинных. И не надо искать оттенки различий между теми и другими, потому что главное – способность любить. Неожиданно мученица подумала: «В этой симфонии тоже вопль растоптанной души, но красивый, звучный, торжественный. А у нас все то пискляво, то сипло. Мелко. Отвратительно». И лишь тогда поняла, что все это время слушала музыку и оглохла от нее. Она буквально выдрала мелодию из ушей и попросила таксиста сделать небольшой крюк. Захотелось подъехать к новому жилищу со стороны

места работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.